

Функционирование тюрем в Российском государстве и Великом княжестве Литовском в XV–XVII вв.: сравнительно-правовое исследование

Н.И. НАРЫШКИНА – старший преподаватель кафедры уголовно-исполнительного права Владимирского юридического института ФСИН России, кандидат юридических наук

В статье сравниваются правовые и организационные аспекты деятельности тюрем в Русском централизованном государстве и Великом княжестве Литовском в XV–XVII вв., выделяются сходные и отличительные черты института тюремного заключения в указанных государствах.

Ключевые слова: тюрьма; тюремное заключение; заключенный; наказание; предварительная мера.

The functioning of prisons in Russia and the Grand Duchy of Lithuania in the XV-XVII centuries : comparative legal study

N.I. NARYSHKINA – senior lecturer of department of penal law Vladimir Institute of Law of the Federal Penitentiary Service of Russia, candidate of law sciences

In the article the author compares the legal and organizational aspects of the activities of prisons in the Russian centralized state and the Grand Duchy of Lithuania in the XV-XVII centuries, allocates similar and distinctive features of the Institute of imprisonment in these countries.

Key words: the prison; imprisonment; the prisoner; punishment; preliminary measure.

В Великом княжестве Литовском (далее – ВКЛ) отношения, связанные с назначением тюремного заключения, регулировались Судебником Казимира IV Ягеллона («Лист») от 29 февраля 1468 г.¹, а затем основным правовым документом, содержащим нормы о назначении, исполнении и отбывании тюремного заключения, стал Литовский Статут. Известны три редакции данного документа: Старый Литовский Статут 1529 г. (далее – первый статут)², Волынский Статут 1566 г. (далее – второй статут)³ и Новый Литовский Статут 1588 г. (далее – третий статут)⁴.

В Русском централизованном государстве в рассматриваемый период правовое регулирование деятельности тюрем осуществлялось в соответствии с Судебником 1550 г.⁵, Судебником 1589 г.⁶, Уставной книгой Разбойного приказа в редакции 1617 г.⁷, Соборным уложением 1649 г.⁸, а также различными грамотами, указами и наказами.

Сравнительная характеристика правовых документов государств в области назначения, исполнения и отбывания тюремного за-

ключения позволяет выделить их сходные и отличительные черты.

В ВКЛ первые упоминания о возможности тюремного заключения встречаются в Судебнике 1468 г., а в России первым документом, имевшим общегосударственное значение и содержащим нормы о тюремном заключении, был Судебник 1550 г. То есть практически сто лет разделяют появление института лишения свободы и содержания под стражей в весьма близких в территориальном, культурном, экономическом, духовном отношениях государствах. На момент закрепления тюремного заключения в Судебнике 1550 г. в ВКЛ уже действовал не Судебник 1468 г., а первый статут, также содержащий нормы о возможности помещения человека в тюрьму.

В правовых документах ВКЛ (Судебник 1468 г., первый статут) тюрьма и тюремное заключение изначально обозначались чисто национальными терминами: «казнь», «везене», «нятство», «ланцуг». Во втором статуте уже появляются обозначения тюрьмы, характеризующие ее как здание: «вежа», «замок», «двор» и собственно «турма».

Применительно к обозначению места заключения в третьем статуте постоянно употребляются термины «замок» или «вежа», что переводится как «башня». Здесь мы усматриваем влияние на третий статут норм немецкого права, так как, по одной из версий, белорусский термин «турма», равно как и русское слово «тюрма», произошел от немецкого слова «thurm», «turm», что означает «башня», так как тюрьмы часто устраивались в стенах и подвалах замковых башен. Возможно влияние норм польского права, где слово «тюрма» звучало как «turma». Тюремное заключение обозначалось словом «везень», заключенный – «везень», посадить в тюрьму – «посадити», «седети», «посажон».

В Судебнике 1550 г. тюрьма изначально определяется как «тюрма», и поскольку в ВКЛ в указанное время (1550 г.) действовал первый статут, который термин «турма» не использовал, то можно сделать вывод, что русское слово «тюрма», хотя и родственное в этимологическом плане старобелорусскому «турма», пришло в Судебник 1550 г. не из правовых источников ВКЛ. Посадить в тюрьму обозначалось как «кинути», «вкинути», «всадити», что по сравнению с обозначениями, употреблявшимися в правовых документах ВКЛ, выглядит более грубой формулировкой. В Соборном уложении 1649 г. уже появляются термины «послати», «посадити», «сажати в тюрьму», «держати в тюрьме».

Упоминание о тюремном заключении в правовых документах ВКЛ встречается раньше, чем в России, но в первом статуте только в 5 артикулах из 246 говорится о помещении преступника в тюрьму (2%), а в Судебнике 1550 г. уже в 22 статьях из 100 упоминается о тюремном заключении (22%), то есть данный институт сразу занял в России более значительную нишу.

В России, как и в ВКЛ, тюрьма выполняла функции места лишения свободы, заключения под стражу, долговой ямы. Кроме того, в связи с появлением в Русском централизованном государстве такого наказания, как ссылка, тюрьмы выполняли также роль транзитно-пересыльных пунктов.

Тюрьмы как в ВКЛ, так и в Русском централизованном государстве реализовывали схожие цели: изоляции преступника от общества; общей и частной превенции, направленной на недопущение совершения преступлений как заключенными, так и иными лицами; материальной компенсации причиненного ущерба. Кроме того, исходя из анализа артикулов третьего статута можно выделить идею не только материального,

но и морального удовлетворения потерпевших, которые сами могли контролировать условия содержания заключенных. В России подобной практики не было.

В первом статуте тюремное заключение фигурирует как основной вид наказания и мера предварительная, и только во втором статуте помещение преступника в тюрьму возможно в качестве дополнительного наказания. А в России уже в Судебнике 1550 г. тюремное заключение назначается в качестве основного и дополнительного видов наказания. Как основному наказанию и в России и в ВКЛ тюремному заключению сопутствовали публичное церковное покаяние и обязанность по возмещению причиненного ущерба, а также ссылка (в России). Как дополнительное наказание тюремное заключение назначалось к системе композиций (в ВКЛ), к штрафам и телесным болезненным и членовредительным наказаниям (в Русском централизованном государстве).

Сроки тюремного заключения как наказания в подавляющем большинстве случаев четко оговаривались во всех трех статутах, были незначительными и варьировались в пределах от 3 дней до 1 года и 6 недель. В судебниках 1550, 1589 гг. отмечаем неопределенность сроков тюремного заключения: «вкинути в тюрьму», «вкинути в тюрьму до царева государеву указу», и только в Соборном уложении 1649 г. можно выделить принцип сочетания определенных и неопределенных сроков тюремного заключения («послати в тюрьму, насколько государь укажет»). Тюремное заключение могло назначаться на срок от 3 дней до 4 лет. Меньшее по продолжительности заключение (1–2 дня) было возможно в соответствии с грамотами и именными указами воеводам и окольным. То есть нижняя граница срока тюремного заключения совпадала в обоих государствах, а верхняя граница в Русском централизованном государстве была гораздо выше.

В Судебнике 1550 г. 2 статьи упоминают о пожизненном лишении свободы («вкинути в тюрьму до смерти»), в Судебнике 1589 г. – 1 статья, в Уставной книге разбойного приказа от 1617 г. – 5 статей, а в Соборном уложении нет норм, предусматривающих пожизненное заключение. Здесь можно усмотреть влияние артикулов третьего статута, ведь во всех трех статутах отсутствовала возможность пожизненного лишения свободы.

Тюремное заключение в обоих государствах применялось также в качестве меры предварительной. В соответствии с судебниками 1550, 1589 гг. это было возможно

при отсутствии поручителя; до нахождения поручителя и уплаты «истцова иска»; до исполнения основного наказания («казнить торговой казнью, вкинути в тюрьму, а в казни что государь укажет»). Кроме того, в тюрьме, очевидно, содержались пойманные тати и разбойники.

Позднее в Соборном уложении добавились следующие случаи предварительного заключения: до выяснения факта отбытия наказания в виде тюремного заключения; до определения вида наказания в зависимости от количества совершенных преступлений; до исполнения смертной казни в целях покаяния, поимки сообщников, рождения ребенка (ст. 19, 21, 34 гл. XXI).

Последняя позиция заслуживает отдельного внимания: «а которая жонка приговорена будет к смертной казни, а втепоры она будет беременна, и тоя жонки, покаместа она родит, смертию не казнити, а казнити ея втепоры, как она родит, а до тех мест держати ея в тюрьме...» (ст. 15 гл. XXII). Точно такой же случай указывается в третьем статуте (арт. 34 разд. XI), то есть отмечается прямое заимствование правовых норм русскими законодателями.

Также в ВКЛ предварительное заключение под стражу до суда применялось к лицам, обвиняемым в измене (арт. 4 разд. I). Та же позиция нашла отражение в Соборном уложении (ст. 6 гл. VI).

Сроки предварительного заключения под стражу не указывались в нормах судебныхников 1550, 1589 гг., трех статутов, но в Соборном уложении, а также в грамотах, наказах и указах они частично были оговорены.

На территории ВКЛ, отошедшей к Московскому государству по итогам Русско-польской и Северной войн (1654–1667 гг.), – Смоленской области – вопросы назначения и исполнения уголовных наказаний, по-видимому, стали регулироваться не третьим статутом, а Соборным уложением, но с некоторыми послаблениями.

В частности, согласно Соборному уложению в Московском государстве корчемство было запрещено под угрозой тюремного заключения, а в Смоленской области подобное сначала также не допускалось, но позднее с разрешения Алексея Михайловича допускались изготовление и продажа спиртных напитков, но с уплатой определенной пошлины⁹.

Отличительной особенностью второго и третьего статутов было установление территориального принципа отбывания лишения свободы в зависимости от места совершения преступления, места осуждения,

оседлости виновного, усмотрения господаря, закона (который говорил о необходимости заключения в конкретной тюрьме). В Московском государстве ничего подобного не было: по усмотрению царя могло определяться только место ссылки («и его сослать в Украинные же города, где государь укажет»), которая часто следовала за тюремным заключением и сама могла быть связана с заточением ссыльного в тюрьму.

Что касается норм организационного, уголовно-исполнительного характера, то в правовых источниках ВКЛ они появились гораздо раньше, чем в Русском централизованном государстве.

Еще первый статут устанавливал, что должностные лица, которые незаконно отпускали заключенного, обязаны были его разыскать в установленный срок под угрозой штрафа. Второй статут развивает положения первого и дополнительно возлагает на воевод обязанность по контролю за устройством и состоянием тюрем. Охрану и надзор за поведением заключенных осуществляют «сторожа». В России в это время уже действовал Судебник 1550 г., но он не содержал норм организационного характера. Судебник 1589 г. также не включал подобных положений, хотя в ВКЛ уже год действовал третий статут, который уделял большое внимание вопросам исполнения и отбывания тюремного заключения. Устанавливалась ответственность должностных лиц за побег заключенного, создание ему более льготных условий, чем предписывалось, незаконное заточение невиновных лиц. Кроме того, прописывались обязанности по содержанию в изоляции буйно помешанных, взятию тюремной платы от заключенных или от истцов, потерпевших («жалобной стороны»).

В России впервые нормы организационного характера появились в Уставной книге Разбойного приказа в редакции 1617 г., а также в дополнявших ее губных грамотах, наказах и указах. Они позволяли судить о должностных лицах, которые осуществляли контроль за деятельностью тюрем как на общегосударственном уровне, так и на местах, непосредственно заведовали тюрьмами, несли их охрану и осуществляли надзор за заключенными. Кроме того, определялся порядок их назначения на должность, сроки их полномочий, требования, которым они должны были соответствовать, некоторые функциональные обязанности. В частности, устанавливалась ответственность тюремной администрации за побег заключенного. Соборное уложение развило указанные по-

ложения и дополнило их некоторыми функциональными обязанностями должностных лиц, усилило меру ответственности за их невыполнение. В отечественных правовых документах более конкретно указывались должностные лица, осуществлявшие контроль за тюрьмами и непосредственное руководство ими, с подробным освещением порядка их назначения, требований, которым они должны были соответствовать, функциональных обязанностей, а в ВКЛ правовое освещение этих вопросов было достаточно туманным.

Правовое положение заключенных было более определенным в нормах третьего статута, чем в Соборном уложении. Схожесть проявлялась в закреплении права на защиту от незаконных действий тюремной администрации. Далее третий статут закреплял прогрессивные права заключенных на помилование государем, компенсацию причиненного ущерба, получение питания, подачу апелляции. В Московском государстве правовое положение заклю-

ченных регламентировалось в основном царскими указами, различными наказами и грамотами и предусматривало гораздо больший объем обязанностей, выраженных в обязывающих и запрещающих нормах, чем прав. Например, схожей обязанностью в обоих государствах было привлечение заключенных к труду, хотя в России эта практика еще не достигла такого размаха, как в XVIII в.

Отличительной особенностью ВКЛ было то, что в его городах действовало наряду со статутами магдебургское право, предусматривавшее возможность тюремного заключения. В России XVI–XVII вв. городское право отсутствовало, все нормативные правовые акты принимались в столице и распространяли свое действие на всю территорию государства.

Таким образом, нами выделены сходные и отличительные черты функционирования тюрем в Русском централизованном государстве и Великом княжестве Литовском в XV–XVII вв.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Владимирский-Буданов М.Ф. Хрестоматия по истории русского права. Киев, 1887. Вып. 2. С. 35–45.

² См.: Вялікае княства Літоўскае: Энцыкл. Мінск, 2010. Т. 3: Дадатак. А–Я. С. 436–467.

³ См.: Там же. С. 481–539.

⁴ См.: Там же. С. 554–689.

⁵ См.: Российское законодательство X–XX веков: В 9 т. М., 1985. Т. 2: Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства. С. 97–120.

⁶ См.: Судебник царя Федора Иоанновича 1589 г. / По списку собрания Ф.Ф. Мазурина. М., 1900. С. 1–56.

⁷ См.: Владимирский-Буданов М.Ф. Хрестоматия по истории русского права. Ярославль, 1875. Вып. 3. С. 47–80.

⁸ См.: Российское законодательство X–XX веков. М., 1985. Т. 3: Акты Земских соборов. Соборное уложение. С. 83–257.

⁹ См.: Богословский М. Приказы Великого княжества Литовского и княжества Смоленского в Московском государстве // Журнал министерства народного просвещения. Ч. IV. СПб., 1906. № 8. С. 238.

¹ Sm.: Vladimirskij-Budanov M.F. Hrestomatija po istorii russkogo prava. Kiev, 1887. Vyp. 2. S. 35–45.

² Sm.: Vjalikae knjastva Litoŭskae: Jencykl. Minsk, 2010. T. 3: Dadatak. A–Ja. S. 436–467.

³ Sm.: Tam zhe. S. 481–539.

⁴ Sm.: Tam zhe. S. 554–689.

⁵ Sm.: Rossijskoe zakonodatel'stvo X–XX vekov: V 9 t. M., 1985. T. 2: Zakonodatel'stvo perioda obrazovanija i ukreplenija Russkogo centralizovannogo gosudarstva. S. 97–120.

⁶ Sm.: Sudebnik carja Fedora Ioannovicha 1589 g. / Po spisku sobranija F.F. Mazurina. M., 1900. S. 1–56.

⁷ Sm.: Vladimirskij-Budanov M.F. Hrestomatija po istorii russkogo prava. Jaroslavl', 1875. Vyp. 3. S. 47–80.

⁸ Sm.: Rossijskoe zakonodatel'stvo X–XX vekov. M., 1985. T. 3: Akty Zemskih soborov. Sobornoe ulozhenie. S. 83–257.

⁹ Sm.: Bogoslovskij M. Prikazy Velikogo knjazhestva Litovskogo i knjazhestva Smolenskogo v Moskovskom gosudarstve // Zhurnal ministerstva narodnogo prosvewenija. Ch. IV. SPb., 1906. № 8. S. 238.